

(1) За год службы в батарее Долговушин переменил множество должностей, нигде не проявив способностей. (2) Безропотный, молчаливо-старательный, всё бы хорошо, только уж больно бестолков оказался. (3) Когда выпадало опасное задание, о нём говорили: «Этот не справится». (4) А раз не справится, зачем посылать? (5) И посылали другого. (6) Так Долговушин откочевал в повозочные. (7) Он не просил, его перевели. (8) Может быть, теперь, к концу войны, за неспособностью воевал бы он уже где-нибудь на складе ПФС, но в повозочных суждено было ему попасть под начало старшины Пономарёва. (9) Этот не верил в бестолковость и сразу объяснил свои установки:

– В армии так: не знаешь – научат, не хочешь – заставят. (10) – И ещё сказал: (11) – Отсюда тебе путь один: в пехоту. (12) Так и запомни.

(13) – Что ж пехота? (14) И в пехоте люди живут, – уныло отвечал Долговушин, больше всего на свете боявшийся снова попасть в пехоту.

(15) С тем старшина и начал его воспитывать. (16) Долговушину не стало житья. (17) Вот и сейчас он тащился на наблюдательный пункт, под самый обстрел, всё ради того же воспитания.

(18) Два километра – не велик путь, но к фронту, да ещё под обстрелом... (19) Опасливо косясь на дальние разрывы, он старался не отстать от старшины.

(20) Чем дальше в тыл, тем несуетливей, уверенней делался Долговушин. (21) До кукурузы оставалось метров пятьдесят, когда на гребень окопа вспрыгнул человек в каске. (22) Расставив короткие ноги, чётко видный на фоне неба, он поднял над головой винтовку, потряс ею и что-то крикнул.

(23) – Немцы! – обмер Долговушин.

(24) – Я те дам «немцы»! – прикрикнул старшина и погрозил пальцем.

(25) Он всю дорогу не столько за противником наблюдал, сколько за Долговушиным, которого твёрдо решил перевоспитать. (26) И когда тот закричал «немцы», старшина, относившийся к нему подозрительно, не только усмотрел в этом трусость, но ещё и неверие в порядок и разумность, существующие в армии. (27) Однако Долговушин, обычно робевший начальства, на этот раз, не обращая внимания, кинулся бежать назад и влево.

(28) – Я те побегу! – кричал ему вслед Пономарёв и пытался расстегнуть кобуру нагана.

(29) Долговушин упал, быстро-быстро загребая руками, мелькая подошвами сапог, пополз с термосом на спине. (30) Пули уже вскидывали снег около него.

(31) Ничего не понимая, старшина смотрел на эти вскипавшие снежные фонтанчики. (32) Внезапно за Долговушиным, в открывшейся под скатом низине, он увидел санный обоз. (33) На ровном, как замёрзшая река, снежном поле около саней стояли лошади. (34) Другие лошади валялись тут же. (35) От саней веером расходились следы ног и глубокие борозды, оставленные ползшими людьми. (36) Они обрывались внезапно, и в конце каждой из них, где догнала его пуля, лежал ездовой. (37) Только один, уйдя уже далеко, продолжал ползти с кнутом в руке, а по нему сверху безостановочно бил пулемет.

(38) «Немцы в тылу!» – понял Пономарёв. (39) Теперь, если надавят с фронта и пехота начнет отходить, отсюда, из тыла, из укрытия, немцы встретят её пулемётным огнём. (40) На ровном месте это – уничтожение.

(41)– Правей, правей ползи! – закричал он Долговушину. (42)Но тут старшину толкнуло в плечо, он упал и уже не видел, что произошло с повозочным. (43)Только каблуки Долговушина мелькали впереди, удаляясь. (44)Пономарёв тяжело полз за ним следом и, подымая голову от снега, кричал: – Правей бери, правей! (45)Там скат!

(46)Каблуки вильнули влево. (47)«Услышал!» – радостно подумал Пономарёв. (48)Ему наконец удалось вытащить наган. (49)Он обернулся и, целясь, давая Долговушину уйти, выпустил в немцев все семь патронов. (50)Но в раненой руке не было упора. (51)Потом он опять пополз. (52)Метров шесть ему осталось до кукурузы, не больше, и он уже подумал про себя: «Теперь – жив». (53)Тут кто-то палкой ударил его по голове, по кости. (54)Пономарёв дрогнул, ткнулся лицом в снег, и свет померк.

(56)А Долговушин тем временем благополучно спустился под скат. (57)Здесь пули шли поверху. (58)Долговушин отдышался, вынул из-за отворота ушанки «бычок» и, согнувшись, искурил его. (59)Он глотал дым, давясь и обжигаясь, и озирался по сторонам. (60)Наверху уже не стреляли. (61)Там всё было кончено. (62)«Правей ползи», – вспомнил Долговушин и усмехнулся с превосходством живого над мёртвым.

(63)– Вот те и вышло правей...

(64)Где ползком, где сгибаясь и перебежками, выбрался он из-под огня, и тот, кто считал, что Долговушин «богом ушибленный», поразился бы сейчас, как толково, применяясь к местности, действует он.

(65)Вечером Долговушин пришёл на огневые позиции. (66)Он рассказал, как они отстреливались, как старшину убило на его глазах и он пытался тащить, его мёртвого. (67)Он показал пустой диск автомата. (68)Сидя на земле рядом с кухней, он жадно ел, а повар ложкой вылавливал из черпака мясо и подкладывал ему в котелок. (69)И все сочувственно смотрели на Долговушина.

(70)«Вот как нельзя с первого взгляда составлять мнение о людях, – подумал Назаров, которому Долговушин не понравился. (71)– Я его считал человеком себе на уме, а он вот какой, оказывается. (72)Просто я ещё не умею разбираться в людях...»

(73)И поскольку в этот день ранило каптёра¹, Назаров, чувствуя себя виноватым перед Долговушиным, позвонил командиру батареи, и Долговушин занял тихую, хлебную должность каптёра.

(По Г. Бакланову)*

***Григорий Яковлевич Бакланов** (1923–2009) – русский советский писатель.

¹ Каптёр (каптенармус) – должностное лицо в воинской части (в Советской Армии до 1959 г.), ведающее хранением и выдачей снаряжения, имущества, продовольствия.